

БУЛАТ АРСАЛ

ДОНБАССКИЙ ЛАБИРИНТ

18+

Булат Арсал

Донбасский лабиринт

«Де'Либри»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Арсал Б.

Донбасский лабиринт / Б. Арсал — «Де'Либри», 2026

ISBN 978-5-0061-0556-0

Роман охватывает первые восемь лет моей жизни в Донецке вплоть до роковой даты – 24 февраля 2022 года. Восемь лет, несмотря на бесконечную опасность и хроническую угрозу, поначалу были живо наполнены идейным вдохновением, верой в вождей и соратников, а также надеждой на скорую и оглушительную победу. Время и меняющаяся реальность постепенно охладили максималистские устремления и юношеский революционный задор. Вместо пассионарного энтузиазма пришли растерянность и непонимание, и всё это случилось с теми, кто, добровольно выйдя из зоны комфорта и уюта, встал в боевой порядок ради защиты жизни, свободы и уверенности в завтрашнем дне потомков. Восемь лет попыток построения новых институтов государственности и общественного мироустройства – время, наполненное громкими событиями, митингами, форумами и конференциями, на которых много говорилось о будущем трудового народа Донбасса. Но слова не всегда находили своё воплощение в реальных делах, оставаясь простым сотрясанием воздуха. Восемь лет противостояния на линии боевого соприкосновения – артиллерийские дуэли, пехотные мясорубки, обстрелы мирных окраин, гибель детей и стариков. Восемь лет дороги от мечты до апатии, от преданного патриотизма до утраты веры, от уверенности до обречённости. Народ выбирал вождей, за которыми готов был идти на смерть, но практически все они погибли при трагических обстоятельствах. На место ушедших легенд пришли другие люди, но далеко не все из них смогли оправдать надежды. Революционный дух «Русской весны» постепенно угас, а народность Донбасса осталась всего лишь в названии республики. Что нас ждёт впереди? Есть ли хотя бы малая надежда начать всё сначала и претворить в жизнь чаяния народа Донбасса, рождённые в мае 2014 года? Увидим ли мы свет на выходе из очень длинного и головоломного, кровавого и мрачного донбасского лабиринта? Я не даю ответы на эти вопросы, оставляя читателю возможность самому решить: бороться или сдаться, жить или прозябать, остаться в истории

безликим пятном или продолжать творить новую судьбу Донбасса и России чистыми руками, трезвой головой и горячим сердцем. Булат Арсал.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-0061-0556-0

© Арсал Б., 2026

© Де'Либри, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава I	8
Глава II	14
Глава III	21
Глава IV	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Булат Арсал
Донбасский лабиринт. Мемуарный роман

Посвящается Ирине Викторовне Л.

© Б. Арсал, текст, 2026

Пролог

*Не иди туда, куда ведёт дорога.
Иди туда, где дороги нет, и оставь свой след.*

Ральф Уолдо Эмерсон

Любой думающий человек на Земле подспудно рисует свой виртуальный жизненный путь сообразно понятным только ему аллегориям. Кому-то дорога жизни представляется автомобильной или железнодорожной трассой с остановками, станциями ожидания, вокзалами, перекрёстками, пересадками, где люди знакомятся, становятся попутчиками, вместе учатся, растут, влюбляются, живут под одной крышей, ссорятся, расстаются и встречают новых спутников. Другому кажется, что всё его бытование-существование схоже с путешествием на лифте от самого низа до самого верха, где на разных этажах отведены места детству, юношеству, бурному взрослению, радостям, печалям, успехам и неудачам, размеренной старости, когда выше – только выход на крышу, как на стартовую площадку к небесам обетованным. Есть люди, рисующие в подсознании период от рождения до смерти на борту корабля, путешествующего по океанской стихии от островов к материкам. Кто-то просто идёт и постоянно покоряет воображаемые или реальные, несложные или недоступные никому вершины.

В поисках своего места в мире с самого начала осознанного жизненного пути он продвигался сквозь весьма многосложные, витиеватые головоломки с неожиданными изгибами, непредсказуемыми поворотами, где вместо ровного, прямого коридора временами встречались кручины, иногда впадины, случались завихрения и короткие завитки или просто очередной, самый непроходной, тупик.

Часто какой-нибудь лабиринт предлагает не всегда очевидный выбор, который приходится делать чисто интуитивно. Особенно когда за плечами ещё мало собственного опыта, а нравоучения взрослых до всех нас доходят только тогда, когда пора передавать собственный опыт уже своим потомкам

Нельзя точно утверждать, как бы сложилась его жизнь, если бы он выбирал другие направления движения в своих замысловатых коридорах, открывал бы не левую, а правую входную дверь или наоборот. Что теперь об этом гадать? Но он знал точно, что нисколько не жалеет о пройденном пути, где были не только грандиозные успехи, но и опустошительные крахи; не только безмерные радости, но и поглощающее, убийственное горе; не только чарующее колдовство любви, но и глубокое и ядовитое разочарование, доводящее до самоедства и толкающее к совершению страшнейшего греха.

Так или иначе на старте шестого десятка перед началом нового, витиеватого жизненного перехода стоял человек, повидавший всякого, с обветренным лицом, серебристой седой, разбитыми в кровь локтями, набитыми кулаками, жёстким взглядом, израненной душой, немного потрёпанным мотором и взлохмаченной судьбой – достаточный и необходимый багаж для дальнейшего движения по зигзагам мрачной неизвестности.

Перед ним открывался вход в донбасский лабиринт.

Глава I

Проводы

Последний день уходящего года прошёл в суете, связанной с покупками свежих продуктов к праздничному столу, шампанского, которое всё равно было лучше не пить перед дорогой; подарка жене, что вряд ли мог её порадовать или успокоить перед расставанием. Просто хорошая и добрая традиция – делать приятные маленькие сюрпризы под бой курантов в новогоднюю ночь...

Она ещё не вернулась из похода по женским бутикам. Было время осмотреть рюкзак, проверить документы, подготовить форму, в которой решил ехать от дома до самого Донецка. Через пару часов вернулась жена.

– Я заждался тебя. – Он помог ей снять пальто и тут же подхватил на руки.

– Мне не хочется тебя отпускать, – успела произнести она, когда он перенес её в спальню...

Он позволил ей продолжить разговор только после того, как любовная игра, перешедшая в пылкое соитие, бурно закончилась её иступлённым стоном...

– Я не хочу тебя отпускать. Слышишь меня? Не уезжай! Послушай меня и останься. Пожалуйста! – горячо шептала она, не успев умирить надрывистое дыхание, а разгорячённые влажные губы продолжали целовать его лицо.

Успокоив её, он встал, накинул халат и направился на кухню, бросив через плечо:

– Будешь кофе?

– Не уходи от разговора! – воскликнула она и последовала вслед за мужем. – Я всё ещё надеюсь на твоё благоразумие. Остановись! Это же не твоя война. Зачем тебе ехать в чужую страну и влезать в разборки между её гражданами?

– Дорогая, мы обо всём уже поговорили. Нет смысла повторять заново. Решение принято.

– Это какое-то сумасшествие. А я думала, что мы с тобой смотрим на одни и те же вещи одинаково. Видимо, ошибалась. А ведь мы, казалось, так близки во всём.

Он встал совсем рядом, взял её лицо в руки, нежно поцеловал в щёчку и тихо произнёс:

– Взаимная привязанность мужчины и женщины всегда начинается с ошеломляющей иллюзии, что мы думаем одинаково обо всём на свете. Это написала Агата Кристи, и, кажется, я с ней соглашусь, потому что на свете гораздо больше вещей, которые мужчина и женщина воспринимают совершенно по-разному. Есть мнение, что женщины и мужчины произошли от разных обезьян, а если и прилетели на Землю, то с двух непохожих планет и, возможно, в разное время. Ты не находишь в этом логику?

Она оттолкнула мужа и с отчаянным вздохом бросилась на кушетку, тут же закрыв лицо ладонями. Потом вдруг резко вскочила и посмотрела на мужа сквозь накатившие слёзы.

– И ты ещё можешь шутить?! Тебе будто радостно от того, что ты уезжаешь. Я просто тебе наскучила, да? Ты не любишь меня больше?

На лице его изобразилось удивление, и он ответил тоном, каким обычно говорят о самой собой разумеющихся вещах:

– Конечно, я тебя люблю. Все твои претензии – вздор.

Она настаивала дальше:

– Ты несчастлив со мной? Скажи честно: несчастлив?

Прежде чем ответить, он позволил себе помолчать, будто собирался с мыслями:

– Да что это за надрыв? Поверь, все три года мне было очень хорошо с тобой. Мне и сейчас радостно видеть тебя рядом. От тебя веет теплом и уютом. Если это ты считаешь счастьем,

конечно. А ещё ты прекрасная хозяйка и просто обалденная женщина в постели. Ты же всё и так сама знаешь, – закончил он и приобнял её обеими руками чуть ниже талии.

Она слегка оттолкнула его, присела на диван и продолжила в прежней манере:

– Я поняла тебя. Конечно же! Как до меня сразу не дошло?! Ты не можешь простить мне, что у нас нет детей! Я угадала? Угадала?! Зачем ты делаешь мне больно?!

Он знал, что в её сорок три года выносить первую беременность было сложно, если вообще реально. Случилось то, что и должно было произойти. И с тех пор его не покидало чувство собственной вины за это. Видимо, он был недостаточно деликатен с ней в первые недели ожидания. Сейчас он вновь испытал внутри острый укор, хотя после случившегося никогда даже мысли не допускал обвинить её в неспособности подарить ему сына или дочь. Более того, ведь у него уже были другие, достаточно взрослые дети из прежних жизней.

– Ты слишком категорична. И прости, если позволил тебе хоть намёком думать так обо мне. Ты мне и без детей дорога. Это правда. – Он сел рядом и приобнял жену. – Я тебе уже говорил и повторю ещё раз. С самого начала всей этой грязной бойни на Донбассе передо мной не стоял выбор: ехать или не ехать. Был только вопрос: «Когда?» Ты видела, как в последние месяцы я закрывал дела, рассчитывался с людьми, гасил долги, созванивался с Донецком, покупал форму, походное снаряжение, билеты на поезд, наконец. Это длилось целых два месяца на твоих глазах. Ты молчала, и я честно полагал, что ты давно и сразу смирилась с моим решением и готова ждать. Теперь же меня ожидают там. Я обещал людям явиться в начале нового года. Я слово дал. Ты понимаешь, что означает «дал слово»?

– И уезжать нужно прямо сейчас? Прямо в праздник?

– Мы отпразднуем его сегодня. Вся ночь впереди. Мы вместе встретим Новый год, и я уеду только в следующем году. – Он пытался перевести разговор в шутку, надеясь вызвать улыбку на лице супруги.

– И всё же ты бросаешь меня?! – не успокаивалась она. – Ты сам себе противоречишь. Когда человеку хорошо на одном месте, то он не ищет поводов для отъезда. Тебе плохо со мной, и самая большая моя иллюзия – это твоя любовь ко мне. Я просто наскучила тебе, а без приключений ты не можешь. Тебе всегда нужно бежать куда-нибудь сломя голову. Как ты часто говоришь: «У верблюда два горба, потому что жизнь – борьба!» Ты постоянно ищешь какие-то засады, придумываешь для самого себя всякие миссии, а потом героически выкарабкиваешься из канав и рытвин, куда тебя эти авантюры заводят. Твоя голова не таран, но ты с неумолимой и яростной упёртостью безумца продолжаешь крушить ею стены на полосе препятствий, даже если они не на твоём, а на чьём-то чужом пути. Ты весь мир не спасёшь, а он без тебя одного как-нибудь справится. Или ты хочешь его изменить под себя? Глупо! О боже! Как это глупо и наивно! Прими данность этого мира, как она есть. Иначе ты никогда не найдёшь себе места в нем. Ты взрослый человек, а живёшь как юноша с воспалёнными глазами, запутавшийся в собственных иллюзиях. Ты меня хоть слушаешь, милый?!

Она была на взводе, и ему было непривычно наблюдать некоторую отчаянность в поведении жены, внезапно проявившуюся после того бурного любовного сумасшествия, которое они творили буквально несколько минут назад в супружеской постели.

Он видел, как в ней ещё теплится последняя надежда, которая толкает на новые попытки добиться своего. Дослушав до конца монолог благоверной, он нежно взял её за плечи и посмотрел прямо в глаза:

– У нас мало времени, любимая. Я всё понимаю, но другого решения не будет. Единственное, что я могу тебе пообещать, – это вернуться к тебе живым и не позже, чем через полгода. Мы на этом закончили. Всё, дорогая моя.

Она медленно убрала его руки от себя, свои скрестила на груди. Теперь во взгляде её читался настоящий вызов, чего он никак не ожидал.

– Живым, говоришь? Каким живым ты хочешь вернуться? А мне не надо просто живым! Помню, как в моем детстве парень из нашего двора вернулся из Афганистана живым... С одной рукой и без обеих ног. Я никогда не забуду, как его родители в один год состарились, таская живого сына в инвалидной коляске с пятого этажа хрущёвки. Они таскали его по больницам, по разным конторам, выбивая какие-то льготы и пособия. Выгуливали, как маленького в детстве, в парке, толкая перед собой инвалидную коляску с искалеченным двадцатилетним ребёнком с папироской в зубах вместо соски-пустышки. Помню ещё, как всегда внизу, под сиденьем, болталась бутылочка для мочи. Эти несчастные родители прожили так лет двадцать, пока не умерли оба в один год. Потом дальние родственники его сдали в дом инвалидов, где он прожил лет пять, не больше. В итоге сын, по сути, и загнал раньше времени в могилу своих родителей таким «живым» возвращением.

Жена налила в бокал воды и опустошила его тремя большими глотками, будто пыталась охладить гневный жар, набирающий градусы в её голосе.

– А сколько после войны возвращается просто контуженых идиотов? Ты мне именно такую жизнь после своего «живого» возвращения предлагаешь? Я не хочу так. Я хочу, чтобы ты вернулся с ногами, руками и обязательно со здоровой головой. Ты меня хорошо слышал, дорогой? Я сиделкой быть не хочу и не буду. Это заруби себе на носу и вспоминай, когда будешь с восторженным ором с автоматом на амбразуру кидаться.

В комнате наступила неловкая тишина, которую немного нарушал шум работающего в подъезде лифта. Пройдя в прихожую, он накинул на плечи куртку и вышел в подъезд. Вернувшись через несколько минут со свежим ароматом трубочного табака, сел напротив жены, ожидавшей его за кухонным столом.

– Скажи мне, родная, а если я не смогу избежать ранений? Ты права: война иногда калечит людей, и это одна из её самых пугающих сторон. Пугающих, но не останавливающих солдат идти на неё. Я правильно понял из твоих последних слов, что без ног или рук мне лучше к тебе не возвращаться?

Она молчала, сжав губы, сложив руки на столе и повернув голову в сторону окна, за которым начало смеркаться и тихо падали большие снежные хлопья.

– Я прошу тебя просто ответить мне одним словом на мой вопрос: да или нет? Ты не будешь ждать инвалида?

Она ничего не отвечала, продолжая смотреть в окно, за которым внезапно заиграли разными цветами гирлянды на высокой ёлке во дворе.

Он взял её руки в свои и терпеливо продолжал ждать ответа, пытаясь поймать взгляд жены.

Наконец она посмотрела на него глазами, в которых читалась скорее флегматичная невозмутимость, чем простое успокоение или отчаянная усталость. Не было в них больше слёз, как не было размытой туши под ресницами. Ему даже стало несколько не по себе, когда на её чуть побелевших и подсохших губах он отметил на миг тонкий набросок иронии и сарказма.

– Я устала тебя уговаривать. Вижу, что это бесполезно и мне не остаётся выбора... Ты хотел услышать честный ответ?

– Да! Я хочу услышать честный ответ.

– Без рук и ног можешь не возвращаться. С калекой жить страшно, и я не готова ни сейчас, ни тем более когда состарюсь. Да ты ещё выйди живым из того чёрного коридора, куда тебя твоя дурная голова несёт. Неужели тебе до сих пор не ясно, что все выходы из лабиринта жизни ведут на тот свет, но тебе же надо выбрать именно самый короткий путь, который прямой, как стрела... Раз – и ты у цели! В лучшем случае – утка под кроватью, в худшем – могильный камень с высеченным пожеланием от друзей-однополчан: «Покойся с миром, герой! Мы за тебя отомстим!» Это в кино романтично смотреть и шмыгать в платочек, а в жизни всё очень

страшно, и я не готова! Так честно, по крайней мере, – устало выдохнув из себя последние слова, закончила она.

Снова наступила немая пауза. Она первая поднялась из-за стола. Он успел заметить, как бретелька атласной сорочки сползла с белого плеча, и тут же оголился розово-нежный, острый, возбуждающий сосок небольшой груди. Возможно, она специально показала часть своих прелестей в надежде окончательно сломать мужа в очередном сексуальном сеансе, но, к её удивлению, он даже бровью не повёл. Она запахнула короткий атласный халатик и перехватила талию поясом. Встала перед сидевшим на стуле супругом. Провела рукой по седеющему «ёжику» и произнесла:

– Тебе решать окончательно, но теперь у нас есть ещё время до праздничного ужина, и я хотела бы принять ванную... С тобой, разумеется... Я буду ждать тебя, милый, там.

На последней фразе она нагнулась, коснулась губами его лба и продефилировала к ванной комнате. Он не проявил ответных чувств, оставаясь неподвижным, и отрешённо смотрел в сторону глухой стены...

Более получаса она нежилась в ароматной густой пене в сладострастном ожидании очередной близости. Он не зашёл и даже не ответил, когда жена несколько раз окликнула его. Наконец, приняв душ и обернувшись обширным махровым полотенцем-покрывалом, она вышла через прихожую в зал. Играла весёлыми огоньками ёлочная гирлянда. Квартиру громко и задорно наполняла «Январская व्यога» в исполнении Нины Бродской. Мужа в зале не оказалось, как не было его и в спальне. Лишь снова вернувшись в прихожую и не увидев там его дорожных вещей, она всё поняла. Выглядывать в окно в надежде увидеть его машину у подъезда она не стала. В груди защемило, дыхание спёрло, горло перехватил горький спазм, тихая паника охватила её ознобной дрожью по всему телу. Ей ничего не оставалось, как упасть ничком на диван и простонать, уткнувшись в подушку: «Какая же я дура! Какая же я дрянь! Боже! Что же я наделала?!»

* * *

Первое утро наступившего года встретило его на трассе, когда машина, вырвавшись на предельной скорости из межгорной ночной мглы, оказалась на возвышенности, за которой расстился до дальнего горизонта великолепный и торжественный массив хвойного урмана со снежными шапками, искрившимися под яркими лучами январского солнца. Тайга была везде, куда ни кинь взор. Мохнатыми хвойными лапами, кристальной прозрачностью трескучего мороза, величественным молчанием она горделиво приветствовала начинающийся день и новый 2015 год. Машина шла не просто быстро, она практически летела, будто и сама спешила скорее отдалиться от надоевшего ей города с его пробками и сумасшедшими водителями.

Перевернута очередная страница жизни. Обратная дорога, конечно, никуда пока не делась, но мосты, если и не сожжены, то уже разведены. Когда они сведутся вновь и произойдёт ли такое вообще когда-нибудь? Об этом думать не хотелось.

Мысли хаотично барабанили внутри черепной коробки: «Без рук и ног не нужен, значит? Это всё понятно. Я и сам не вернулся бы таким, и тем не менее на прощание от любимой женщины хотелось услышать другое. Обидно, конечно. Но я переживу. Любить в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит!.. Слова, слова... Смерть ещё не наступила, но разлука, даже не начавшись, уже показала истинное лицо любимой женщины. Без рук и ног, говоришь, не возвращаться? Теперь уж я и здоровый к тебе не вернусь никогда. Никогда! Решение принято. Цель назначена. Жми на газ и не думай о прошлом!»

Душу щемил от обиды, но в мыслях ни разу не появился даже намёк: развернуть машину и вернуться к ней, в их общую постель.

«Был ли я счастлив? Да я был просто озарён тобой! Особенно в последние полгода, когда вся голова была уже занята этой войной, а душа разрывалась между любимой и нестерпимым зудом желания ехать скорее. Каждую ночь и утро я испытывал блаженство в твоих объятиях, но все эти месяцы гибли люди, и каждый раз, оставаясь сам с собой, я корил себя за медлительность, за уходящее время, за то, что никак нельзя быстро уладить все дела и уже сесть в поезд. Мне даже хотелось просто бросить всё и будь что будет, но люди не виноваты, и есть правила элементарной порядочности, которые нужно соблюсти. Радость находиться с тобой рядом, иметь возможность постоянно целовать твои плечи, губы, ласкать нежную грудь и сливаться с тобой в горячем экстазе тем не менее не давала мне безмятежности в полной мере. Наоборот – это терзало и мытарило меня. Мыслями я уже давно находился на этой войне. Вот такое это было несносное счастье. Ты не поняла главного: нельзя радоваться жизни и в полной мере чувствовать себя счастливым человеком, если где-то свершается подлость над незащищенными людьми, а ты понимаешь, что твоя голова и руки, твоя жизнь очень нужны людям и тому времени, в котором они застряли. Отчётливо понимаешь, наверняка знаешь, но всё ещё топчешься на месте и продолжаешь просыпаться в объятиях женщины. Это мне решать – нужен я там или нет. Это мне решать – моя это война или нет. Мне – и никому больше!» – Он вновь и вновь проговаривал слова про себя, иногда озвучивая их громче, будто желая через удлиняющееся расстояние донести до неё всё, что так и не смог донести.

Только окончательно пройдя последний заснеженный перевал и направив машину по западному склону Уральского хребта, он остановился на обочине и заглушил двигатель. Набил трубку табаком, растянул и, сделав наконец глубокую затяжку ароматного дымка, расслабился.

Для автомобиля этот переход был последним. По крайней мере, с этим водителем, который уже где-то на подъезде к родному городу отдаст его новому хозяину за сносную цену. Долгих объяснений с родителями не будет – мальчик взрослый и сам лучше других знает, каких ещё героических глупостей ему захочется в жизни свершить по собственному хотению.

Всё позади. А что, собственно, он оставил позади? Да мало ли чего за полвека в его жизни не было? Ничего необычного, о чём ему сейчас хотелось бы пожалеть или что он мог бы вспомнить как особые, счастливые мгновения жизни. Всё было, но обо всём этом думать сейчас он не желал. Потянулись мысли в рифме:

Любовь приходит и уходит,
Проходят мимо поезда.
Вагон ушёл – и ты остался,
Да и платформа не твоя.

Прошлого с ним уже не было, а будущее... Будущее представлялось ему в каком-то густом сером тумане с иногда проявляющимися обрывками кадров из телерепортажей военных журналистов. Он до этого никогда не был на войне, но почему-то был уверен, что знает её запах. Он не видел наяву разрывающихся снарядов, но интуитивно осознавал, что это не просто страшно, но может оказаться в первый и последний раз. Он знал, куда едет, но это место сейчас называлось неизвестностью, которая каким-то непонятным, магическим образом влекла его в очередной захватывающий, увлекательный этап его жизни, наполненный пугающей стохастичностью и приключениями. Эта глава могла оказаться последней, как заключительный акт драматической пьесы под названием «Рок». Правда, в отличие от спектакля, где герои после «смерти» встают на поклон и собирают букеты цветов, в реальности смерть и увечья сопровождаются болью близких и физическими страданиями самого человека. Какая уж тут игра?

Впереди была война, на которую он ехал в совершенном неосознании её, и потому не боялся. Есть люди, которые ставят перед собой порой непреодолимые, труднейшие цели. Окру-

жающие думают, что эти люди ради упоения славой норовят выставить напоказ свою силу воли и решительность духа. Это ошибочное суждение. Не сами они ставят такие задачи перед собой. За них это делает то, что находится внутри них. Оно не руководствуется разумом или некой меркантильной выгодой. Оно труднообъяснимо даже самому такому человеку. Словно одно-моментный порыв ветра, уже внутри всего его организма резко появляется мощный вихревой поток, взвивает его от земли и бросает в путь даже в самую сумасшедшую непогоду, не оставляя ни толики сомнений в правильности предпринятого шага. Даже если где-то глубоко внутри похолодевшего от страха живота мышечный спазм скрутит резкой болью, он перетерпит её, наберёт в лёгкие больше воздуха, выпрямит спину, разведёт плечи, весело и зло улыбнётся белым оскалом и дерзновенно, с куражом пойдёт вперёд. И так – до последнего вздоха...

Глава II

Под стук колёс плацкартного вагона

Утренний центральный вокзал Казани удивил почти безлюдным перроном. Пара пассажиров из всего состава вышла на перекур, а из отъезжающих он оказался единственным. Во всём же плацкартном вагоне только несколько полок было занято спящими попутчиками.

– В новогодние праздники путешествуют или чудаки, или бездомные, которых никто и нигде не ждёт, – выговорил мужичок, занявший, надо полагать, своё законное место на одной из прежних станций.

Он сразу подкупил открытой улыбкой, протянул руку для знакомства и буквально ошарашил неожиданно заданной темой разговора.

– Я, брат, в ополчении провоевал три месяца. «Белый» – мой позывной. Сашкой зовут, – начал сосед по отсеку и выложил на столик армейскую фляжку в тряпичном чехле, шмат сала и пачку «Беломорканала». – Лечился в Ебурге после ранения. Под Широкино чуть руку не потерял. Не дал эскулапам оттяпать. Теперь обратно. Часть у нас в Новоазовске стоит. «Девятка». Не слышал?

Встреча в пути с человеком оттуда случилась кстати. Впервые появилось ощущение прямой причастности к событиям на Донбассе, и практически на протяжении всего полуторасуточного пути разговоры были прямо или косвенно связаны с войной в Донцке. Хотелось уже сейчас, пока не доехали до Ростова, разузнать больше об этой земле, о городе, людях, услышать реальные истории о событиях от живого и непосредственного участника той самой «Русской весны», о которой так много говорят по всем телевизорам страны. В любом официальном повествовании неизбежна некоторая доля отбора информации: что-то выносится на второй план, что-то вообще остаётся за скобками. Именно такой рассказ, услышанный из первых уст, способен дополнить общую картину тем, о чём в репортажах, вольно или невольно, умалчивают или говорят скупо. Нельзя однозначно утверждать, что с центральных подвластных каналов говорят, мягко говоря, «неправду». Конечно, они не врут, но кое-что осмотнительно недоговаривают или робко умалчивают. А иногда просто делают непроницаемый вид, будто ничего вообще не произошло.

«Народ должен знать лишь то, что ему положено», – этот принцип в разные времена звучал по-разному, но суть его оставалась неизменной. Однако человек – существо пытлиное. Особенно если речь идёт о его собственной судьбе. Хотелось убедиться ещё раз, что решение принято правильное и впереди не ждёт разочарование или, чего доброго, ловушка из романтических иллюзий из-за неполного восприятия действительности.

Саша Белый не подвел. Кстати, он и в самом деле был не просто беловолосый, а именно откровенно белый, как это случается с альбиносами. Белёная щетина этого сорокалетнего мужчины, даже после трёх дней без бритвы, не могла скрыть грубо затянувшийся багровый шрам на правой щеке. «Осколком чиркнуло», – с еле заметной досадой объяснил Александр, поглаживая рубец, когда поймал на себе любопытствующий взгляд собеседника.

Рассказы Белого приободрили и придали уверенности. Народ действительно в беде, и нужны силы для его защиты. Молодые непризнанные государства особенно нуждаются и в настоящих специалистах, готовых заполнить пустоту, образовавшуюся после трусливого бегства некоей массы людишек, бросивших родные гнёзда на произвол судьбы, когда по всему шахтерскому краю разнесся призыв к вооружённой борьбе. А ещё очень важно и нелишнее было показать, что оставшийся народ Донбасса не один перед лицом врага. Конечно, донбассцы ждали не только добровольцев. С самого начала событий люди были просто уверены в том,

что российский двуглавый орел после Крыма также накроет своим крылом и этот восставший край. Сразу не случилось, время шло, но вера ещё была крепка.

«Пока там хитрозадые политики расчехлят свои толстые портфели, да почешут репу на предмет помощи русским республикам, да соизволят подняться с мягких диванов, столько крови может напрасно пролиться, что поздно будет кулаками угрожать. В общем, не зря народ едет из России в Донбасс. И я не зря еду», – думал он, продолжая с интересом слушать попутчика.

– Только ты, брат, не забудь моих слов на будущее, – говорил Белый. – Как только всё утихомирится и война кончится, вся сбежавшая шобла-ебла быстро возвратится назад. Ещё будут компенсации требовать и места свои прежние пытаться занимать. И скажу тебе откровенно: самое обидное, что им так всё с рук и сойдет. У нас один школьный учитель истории в роте служит. Так вот, он очень умную фразу вычитал где-то: «Революцию задумывают философы-идеалисты, кровь проливают бесстрашные боевики, а результатами пользуются пропетлявшие: всякие шельмы, пройдохи и плуты». Там, в Донецке, уже сейчас видно тех, кто очко рвёт ради власти и нагло лезет напропалую. Их в дверь выгоняли – они в окно. Их пинком в окно – они снова через щёлочку выюном пролезают. Вот ведь гады, мать их в дышло!

– Это кто же такие наглые?

– Да есть там одна троица последователей вашего Мавроди, местные «пирамидальщики». До войны и партия у них была под таким же названием из трех букв. Пижоны, одним словом. И чего их всех Батя терпит? Давно бы отправил окопы рыть, и никто в Донецке о них и не вспомнил бы. Разве только те, кому эти суки из своей пирамиды денег не вернули.

– Ну, брат, политика – говняное дельце. Честных и чистых людей туда нечасто пускают, в основном заводят тех, у кого или хлебало в пуху, или подштанники в дерьме. Таких очень удобно за яйца держать и крутить потом по своему усмотрению. Они всегда послушные, как мартышки в цирке или арлекины тряпичные. Видать, есть у них где-то в очень высоких кабинетах рука шерстяная, типа Карабаса-Барабаса в кукольном театре. Так вот, чтобы этих фантомных чучел снести, сначала надо ту самую руку «оттяпать», как ты говоришь. Возможно, что у Захарченко здесь сил маловато и не так всё просто с этими персонажами. Обидно, если они во власти укрепятся. А вот Бате-то народ верит?

– А как ты думал, земляк?! Он свой парень в доску, а не ставленник мажорный какой-нибудь. Захар – мужик хоть и простой, но верный слову и за людей бьётся. А ещё он с Кобзоном Иосифом Давидовичем дружбу водит. Вот человечество! Часто с бесплатными концертами в Донецк приезжает. Одно слово – земляк! Или ты не знал?

– Да об этом вся страна знает.

– Ты бы видел, как Захар на Крытом рынке делягам, которые хурмой да апельсинами народ обвешивают, правила торговли вдальблывал.

– Интересно. Вот тут, пожалуйста, подробнее. На таких историях потом легендарный эпос народа создаётся.

– А это и не легенда, – немного обидчиво произнёс Белый. – Это каждый у нас знает. Так это и по телику показывали!

Белый предложил для начала перекурить на случившейся в этот момент длинной остановке и, только согревшись ста граммами водки после заснеженного перрона, начал свой рассказ.

– Взял за привычку Захарченко со свитой и министрами ездить каждый день по зонам ответственности всяких ведомств. А что тут такого? Всё правильно. И народ видит главу среди себя, и в войсках его появление всегда душу греет. Опять же, прямое, живое общение. Даже на передовой... А чего ты удивляешься? Он же КО-МАН-ДИР! Понимать надо!

Так вот, однажды поехал Александр Владимирович по разным базарам и давай проверять там порядок. И на Соловки заехал, и на Калининский, и в Макеевку прокатился. Напослед-

док приезжает Захарченко на Крытый рынок. Ты обязательно увидишь и удивишься, как его крыша на купол рейхстага смахивает. Приезжает, значит, и давай народ спрашивать: мол, нет ли жалоб на торговцев, качественно ли обслуживают, не обвешивают ли? Тут его бабки (куда без них?) обступили, и давай одна за другой жалобы свои ныть. И обвешивают их, и обсчитывают, и хамят без стыда и совести. Особенно бабули на азербайджанцев и азиатов начали распалаться. И видит Захар своим острым глазом, что стоит в сторонке один такой джигит с золотыми фиксами и хитро так посмеивается над бабским челобитьем. Будто и не при делах совсем, и не про него народ возмущается. Подходит Захар и спрашивает, правильно ли у него работают весы. Этот, конечно, спохватился и давай клясться, что никогда народ не обманывал. Аллаха начал в свидетели звать, но тот почему-то не явился. Тут Захар за кобуру хватается. Мехмед аж с лица сошёл. Глаза выпучил. Пот на лбу – как грозди винограда. Тут и трясучка у него произошла. Заикаться начал. Даже газами своими чесночными бзданул с перепуга, да так громко, что вся захаровская охрана с хохота чуть не покатилась. Батя достает свой «ТТ», вынимает из него обойму и кладёт на весы. Этот пистолет без обоймы и патронов весит около восьмисот пятидесяти граммов. А тут на весах он вдруг волшебным образом на сто пятьдесят граммов потяжелел. Вот это наглость! Теперь понятно, почему к нему на помощь Аллах не явился. Ему за такое не обрезание, а полное отрезание под корень нужно делать... Захар, конечно, сжалился на первый раз и наказал, чтобы впредь все торгаши привели в порядок свои весы да безмены. Обещал вернуться и пальчиком так пригрозил.

– Выполнил обещание-то?

– А ты как думал? Через полчаса вновь явился. Этого и вовсе никто не ожидал. Видать, думали, что глава шутики шутит. Мол, пожурил – и всё...

– И что же дальше?

– В общем, этого Мехмеда больше на рынке не видели. Его как в тот же день отвезли окопы копать, так он и не вернулся... На этом рынке за первые два месяца власти Захарченко то ли два, то ли три директора сменилось. Один также укреплял оборону на передке, а потом и вовсе остался жить на позиции в обнимку с автоматом. Понравилось, видать, – сказал Белый и широко заулыбался.

– Ничего не скажешь. Сурово, но по делу.

– А я тебе об чём толкую? Одно слово – Батя! Ты знаешь, какая у него мечта? Так и это по телику показывали.

– Наверное, быстрее одержать победу?

– Это само собой. Да и что о победе фантазировать? Её с оружием приближать надобно. А мечтает он накрыть огромный стол на день нашей победы от площади Ленина в Донецке и до самого аэропорта. А это, заметь, километров десять будет или больше. Посадить за него всех горожан, которые не уехали, не струхнули, жили в городе всю войну, защищали республику, детей рожали, растили и воспитывали под огнём, работали на заводах и шахтах, учили и лечили, обустроивали улицы, понимаешь, и дома после артналетов. В общем, собраться, как одной семьёй, и хором выпить, закусить и обязательно помянуть всем народом не вернувшихся с боёв и погибших от вражеских снарядов и бомб. Вот такое у нашего Бати человеческое, доброе и, заметь себе, сердечное пожелание, – проникновенно добавил после секундной паузы Александр и запнулся, будто ком сдавил горло.

Он потянулся к стакану с чаем, глотнул и смахнул смущённо украдкой слезу.

– Красиво, чёрт возьми. А что про Стрелкова говорят в Донецке? Верил ему народ?

– По-разному. Для одних он заметная фигура, другие считают, что вокруг его имени слишком много разговоров. Сейчас некоторые ему верят, ещё и надеются, что он вернётся.

– А почему же Гиркин ушёл из министров обороны? Зачем уехал из Донбасса? Как полагаешь? Что народ думает?

– Кто его теперь разберёт? Тогда столько разговоров ходило, что правду от домыслов уже никто не отличал. Одни говорили одно, другие – совсем другое. Каждый был уверен, что знает, почему всё произошло именно так. Только те решения принимались совсем не на нашем уровне, и простым людям оставалось разве что строить догадки. А что до народа, в Славянске за неделю полторы тыщи собралось под его знамёнами. Пришёл с отрядом в полсотни человек, а уже через семь дней почти полноценный полк сколотился. А знаешь, почему так быстро?

– Убедил или слова нашёл нужные?

– Правильно полагаешь. Он смог убедить всех в том, во что сам верил. Стрелков и вправду ожидал входа войск из России. После Крыма так почти все думали и надеялись каждое божье утро. Кстати, именно Стрелков первым начал гнать взащей всяких жуликов, проходимцев и чепушил.

– Какое ёмкое слово – «чепушило». Так много в нём эпитетов собрано: болтун, брехло, лжец, кривослов, выдумщик, пустомеля, ничтожество, который и сам чепуха, и слова его чепуховые.

– Дюже богатый русский язык. Можно одним словом со всех боков иного человека обрисовать. И спереди, и сзади, и даже с обоих боков. Как ни крути, а нутро завсегда видно в человеке. Вот молчит себе, а как рот откроет – вся его гнилая сущность наружу, хоть и правильные слова говорит. Он гутарит, а тебе всё равно не верится, язви его душу...

– А Москва-то вроде поддерживает этих «голубковых»? Вон, даже на центральные каналы к себе главного из них приглашают частенько.

– Свиристит такой, об чём даже представления не имеет. Прохиндеям только того и надо, чтобы их в России больше народу увидело и узнавать начало. На фоне войны они вроде как фасад. Будто они и есть Донбасс. Реклама! Ты же правильно сказал – «голубковы». Я, пока в госпитале лечился, всем рассказывал, что настоящие мужики через бои прошли с оружием в руках. А эти морды только и знают, как народ, и особенно молодежь, булгачить да себе очки зарабатывать. На войну они не пойдут. Они о себе полагают, будто их головы в тылу больше пользы принесут. Захар вот так не считает, а они думают и всем так и говорят, мол, без них государство не построишь. В общем, рыхлые они какие-то, ненадёжные.

Некоторое время Белый ехал молча, вглядываясь в окно купе, за которым стелились заснеженные поля, пробегали редкие деревенские домики, шлагбаумы с ожидающим транспортом. Неожиданно заговорил снова:

– Одно плохо: доверчивый Захар. Вокруг него хватает уродов, которым он много позволяет. Он им верит – а те пользуются. Один, говорят, целый клан вокруг себя собрал, налоги под себя подмял, таможеню, финансы республики – всё в свои руки ухватил. В общем, пустил свинью на капустное поле.

– Обычно так про козла говорят.

– Не-е-е... Козёл – животное благороднее будет, чем вонючий боров. А этот и есть свинтус настоящий. И внешне, и по жизни. Кроме него ещё есть важный в правительстве – за «кино, вино и домино». Из себя невесть что строит, а по сути – пустышка. Слух про себя пустил, будто он чуть ли не герой. А по факту – ни одной записи, ни одной заслуги. Никто его в бою не видел, а он уже в начальниках ходит.

– Неужели так все и подписались под него?

– Обижает! У нас крепких и честных мужиков далеко немало. Там дивизион стоял гаубичный, и в нём командир первой батареи лейтенант с позывным «Лютый». Так он, как только один из таких проходимцев к нему с предложением подошёл, сразу ему в ряжу наотмашь и врезал. Чувак – с копыт долой и задом в лужу. А дело происходило это аккуратно на глазах у всей батареи. Очень громко проорали, рассказывают. Этот, понятное дело, с претензиями к командиру дивизиона побежал... Да сходу же пожалел... У того рука потяжелее оказалась. Даром что позывной «Медведь». На выхлопе больше индюка не трогали, но за возможную

жалобу наверх обещали вывернуть наизнанку всё его говенное нутро и растряссти на всю округу И вывернули бы, к бабке не ходи!

– И как после такого позора эти люди в правительстве оказываются?

– Ты же сам из России, чего я тебе рассказываю, как некоторые чиновники из дерьма в хозяев жизни превращаются. А почему у нас должно быть по-другому? Народ сейчас уже и не спрашивают.

– Да-а-а, братишка. Всё это очень плохо пахнет и даже настораживает. Кто – за идею, а кто – за бабло.

– Так оно, конечно, так, – грустно согласился Белый, помолчал и вдруг спохватился: – Но только ты не думай там всякое плохое. Слышь, парень? Ты не сомневайся. Простых людей не обманешь. Они душой чувствуют, обязательно разберутся и всё на место поставят. Я же не один так полагаю и с тобой обсуждаю. Это всё в народе ходит и потихоньку набирает злобную силу. Одних снесли? Так почему бы и этих не спихнуть? А ты не комплексуй и колебаниям не поддавайся. Ты ведь не к этим плутам и жуликам едешь, а к нам – к простому народу. Ты историю делать едешь! Прикинь... Историю! Всё у тебя будет тип-топ, земля. Друзей много у тебя появится, таких, что за всю жизнь бы не встретил. Там и бабу себе найдёшь. У нас на Донбассе самые красивые девки. Эдакая смесь русских, украинцев, татар, греков и чего-то там ещё. Даже негры есть и метисы там всякие. Вот тебе крест! Я и сам в крови пять или шесть национальностей ношу. Вон, глянь на мою, – под конец сказал Белый и вынул из нагрудного кармана фотографию, с которой улыбалась смугловатая голубоглазая брюнетка.

– Красивая! Слов нет!

– Так а я об чём тебе толкую? И тебе найдем не хуже...

* * *

Поезд шёл от самого Иркутска, и его конечным пунктом значился Новороссийск. На больших и малых станциях одни пассажиры сходили, другие занимали ещё не остывшие освободившиеся места.

Когда выходили на долгожданный перекур на длительных стоянках, возле некоторых вагонов растянувшегося эшелона можно было наблюдать мужчин в военизированной «горке». Некоторые иногда бродили парами, кто-то стоял и дымил в одиночестве. Была и многочисленная группа, всё время вываливавшаяся на перрон толпой чуть ли не в десять человек. Вели они себя всю дорогу весело, бравировали друг перед другом, шумно матерились и громко ржали во всё горло, когда кто-нибудь из них же высказывал смешную, на их взгляд, хамоватую грубость.

Нетрудно было догадаться, что мужчины так ехали не на охоту и не на рыбалку. На каждой более или менее значимой станции их быстро находили предприимчивые бабушки с горячей едой, сигаретами и палёной водкой, которая, как многим казалось, употреблялась этой командой беспрестанно и в весьма немалых количествах.

В Саратове, где состав остановился почти на полчаса, от пьяной и наводящей на окружающих неподдельный страх толпы отделился худощавый паренёк небольшого роста в голубой майке-тельняшке, висевшей на его тельце, как бюстгальтер самого шикарного размера на скелете в школьном кабинете анатомии. Штаны, мотня которых болталась почти у колен, явно были ему широки в поясе, и будущий ополченец вынужден был их постоянно подтягивать руками, которые утопали по локоть в глубоких карманах. На нижней губе прилип давно потухший окурочек. На голове – большой голубой берет не по размеру, с кокардой образца советской армии. Если бы не оттопыренные уши, то головной убор вполне мог опуститься до самого подбородка.

Сашка, осознав, что шатавшийся, как флюгер на ветру, «боец» направился к ним, нарочито повернулся спиной. Это нисколько не смутило паренька, и он сходу начал протягивать

для приветствия правую руку, вынув её из кармана и рискуя потерять брюки, из-под которых уже виднелись синие сатиновые трусы. Голосок был ожидаемо мальчишеский, но под пьяной бравадой, хотя смысл слов более-менее понятен.

– Здорова, пыцаны! Ипать-копать! – начал он. – А дайте, пыцаны, прикурить...

Саша поднёс зажигалку к потухшему окурку на губах. Раскурить получилось только с третьего раза.

– Братва, а вы куда едете, если не скрет, канешна?

– Тебе-то чего? Прикурил – и иди. Вон, скоро посадку объявят, – резко ответил Белый.

– Да не баись, пыцаны! Там братва, если надо, поезд остановит. Мы ж спецкоманда... Но это ни-ни, никому. Эт военная тайна...

Мужчины с усмешкой переглянулись, и тут же Белый спросил:

– Уж не в Донецк ли едешь, милок?

Паренёк поднял голову, изобразив на лице суровость, сдвинул брови к переносице и вытянул губы трубочкой вперед. Он устремил взгляд куда-то вдаль, за спины собеседников, потом плавно перевёл замутнённые глаза на мужчин и будто начал вспоминать тему затеянного им же разговора.

– Тих, мжики. Тих, тих. Мы с Новосибирска командой. Мы спецназ ВДВ, и нас ждут в этом... Как его? Ну? Не Донецк, а этот... Другой. Ну, как он называется ещё? Ну, который не Донецк и тоже республика? Ипать-копать, забыл...

– В Луганск, ты хотел сказать?

– Ого! Респект, братуха! Точно! В Луганск мы едем, ипать-копать! – радостно вскричал паренёк и буквально заржал, пару раз громко хлопнув в ладоши.

Лицо Александра повеселело от комичности ситуации, и он решил до конца поиздеваться над новым назойливым знакомцем:

– Ты, сынок, в армии хоть служил срочную? Или тебя за компанию по пьянке в поезд засунули?

– Обижаешь, дядя... Я, канешна, служил. Во, смотри, тельник на мне и берет настоящий.

– И как же твои войска назывались?

Пьяный мальчик поднял удивлённый взгляд на Белого и, преобразив охмелевшую мордашку в сосредоточенную физиономию, гордо и громко выдал:

– Военно-десантские войска, ипать-копать! Усёк, дядя?

В своё купе они вошли, продолжая смеяться перлу, выданному малолетним ряженым алкоголиком.

– Вот и такие «десантники» много приезжают. И смех и грех. Позорят, конечно, и Россию, и себя. Только они долго не держатся. Или их кладут в первом же бою, или сами бегут прямо с позиции до самой границы. Только пятки и сверкают. Бывает, что в плен попадают в пьяном угаре. Сейчас в армии порядок наводят. Корпус своё дело делает. Многие, кстати, и в тюрьмах донецких уже сидят. А много ли надо такому бед наворотить с бодуна или с наркоты?

Весёлого в сказанном было мало. Но ведь и это жизнь. В том огненно-кровавом замесе, откровенном балагане и неустроенности околовоеенной жизни в начальный период становления новой власти, как в любом революционном общественном водовороте, находили себе место не только искренние герои, патриоты и добровольцы без страха и упрёка. Авантюристы всех мастей: бандиты, мошенники, откровенные дураки, алкоголики, наркоманы, маргиналы – также быстро заполняли территорию накануне приближающего апокалипсиса и вселенского гоп-стопа. Неопределённость ситуации порождает пёстрое общество, где каждый занимает своё место по мере природной испорченности. Занимает и, в конце концов, получает воздаяние по заслугам. Такова жизнь, и каждому своё...

Казалось, что разговор в поезде длился все тридцать шесть часов пути от самой Казани, изредка прерываясь на недолгую дремоту и перекуры на длительных стоянках, пока, наконец, за окном не появился перрон главного вокзала Ростова-на-Дону.

Глава III

Первый Рубикон

Привокзальная площадь кипела суетливой толчеей. Особенная же активность встретила попутчиков на переходе от вокзала железнодорожного к автобусному. Из множества вагонов прибывшего состава вышло несколько групп мужчин, навьюченных высокими баулами и одетых в полувоенную форму. Они шли бодро, шумно переговариваясь между собой, временами переходя на громкий гогот. Навстречу им в пёстрой гражданской толпе можно было увидеть похожих мужчин в военно-полевой амуниции. В основном это были одиночки или небольшие группки боевиков в куда менее презентабельной и брутальной одежде – негряжной, но изрядно выцветшей, местами латанной и штопанной. Эти мужчины говорили тихо или просто шли, молча рассматривая усталыми глазами встречный поток, изредка дружески подмигивая или кивая парням из поезда, как старым знакомым. Смеха среди них слышно не было вообще. Заметно бросались в глаза марлевые бинты, наложенные на руки или торчащие из-под вязаных головных уборов некоторых бойцов. Особенно запомнился раненый, с трудом ковылявший на костылях, пытавшийся не отставать от сослуживцев. Правая нога его была укорочена чуть ниже колена.

Жизнь любого вокзала пронизана не только радостью счастливых встреч, но и грустью расставаний. Судьба их чаще слезлива, и особенно остро это начинаешь осознавать рядом с войной.

– Отвоевались пацаны, – грустно заметил Белый и тут же указал рукой на стоянку такси.

Озноб пробирал от ростовского, промозглого и сырого, январского ветра. Скорее всего, под впечатлением от увиденного, неожиданно, где-то под мозжечком предательски мелькнуло сомнение в разумности всего задуманного. Неожиданно скользнула предательская мыслишка: «И чего мне там надо? Купить обратный билет – и снова улечься в тёплом купе до самого Екатеринбурга, и никто ничего не скажет. – Думка прошмыгнула, как юркая мышь, и ему стало до покраснения стыдно за внезапный приступ излишней боязливой сомнительности. – Уж не струсли ли я? Тьфу! К чёрту сомнения! К чёрту!»

Через два часа выдавшая виды «Волга», которая могла бы служить ещё дедушке водителя машины, подвезла парней к пограничному переходу «Матвеев курган». Сашка Белый всю дорогу звал в свой батальон, обещая в ближайший же выходной познакомить с подругой жены. Не уговорил.

Благодаря какому-то чудесному провидению автомобиль не развалился по дороге до бывшей украинской границы. На душе всё ещё было очень тревожно. Не страшно, а как-то тягостно и беспокойно.

Российская часть таможенно-паспортного контроля предстала более-менее чистой, светлой и оборудованной всякой технической начинкой, а служители кордонных войск были одеты в униформу ФСБ и таможенного комитета. Каждого деловито обнюхала хитроумная, низкорослая шакалайка, на удивление игнорирующая пакеты с колбасой и салом. Повиляв хвостом, она подняла виноватый вопрошающий взгляд на сопровождающего прапорщика и тут же, приняв из его рук что-то вкусненькое, послушно удалилась от баулов, так и не найдя наркотиков, оружия и прочей контрабандной требухи.

На другой стороне границы всё было совсем иначе, а нервное волнение только усилилось. Территорию освещал единственный, как огромный глаз Циклопа, прожектор, охватывавший своим объёмным лучом чуть ли не всё пространство поста. Единой формы на бородатых и вооруженных до зубов пограничниках не было, а их агрессивно-неприветливый, почти бан-

дитский вид обещал определённые неприятности любому, кто мог не понравиться лицом или взглядом.

Практически все постройки имели различные следы прошедших боев, а окна, оставшиеся без стёкол, были заколочены фанерой или заставлены мешками с песком. По углам периметра погранпоста оцетинились пулеметами укрепленные бетонными конструкциями огневые точки.

Вспомнились одни из последних слов теперь уже бывшей жены про чёрный лабиринт, из которого нужно ещё выйти живым. «Неужели здесь и начинается моя персональная головоломка извилистых плутаний по Донбассу?» – подумал он.

Мужчин из автобуса отделили от пассажиров женского, стариковского и младенческого контингентов и попросили предъявить документы. Обладатели синих украинских паспортов с изображением «трехпалой вилы» сразу отводились в сторону. Потерянный взгляд некоторых из них говорил о надвигающихся проблемах.

Показав по требованию паспорт гражданина Российской Федерации, он был приятно удивлён, когда молодой ополченец, даже не раскрывая документа, чуть вытянулся и вернул его владельцу, приложив правую кисть к виску в армейском приветствии. Костюм «горка», по всей видимости, произвёл хорошее впечатление на пограничника и свёл на нет любые колебания в том, что перед ним стоит действительно вновь прибывший добровольный ополченец Донбасса. Впервые в груди потеплело от гордого ощущения причастности к великой истории, творящейся за спинами разбитных бородатых мужичков, обвешанных автоматами, патронташами, гранатами и «мародёрками». На груди некоторых бородачей прямо поверх разгрузки были прикреплены георгиевские ленты, медали и кресты. На прощание Белый записал на обрывке листка свой телефон и добавил:

– Ты говорил, что в батальон «Новороссия» собираешься? Так вот, там у них водила Сашка Мангушев на КамаАЗе. Ты ему привет передай. Он меня вспомнит, если ты ему скажешь, что я внук Героя Советского Союза. А Белым меня ещё в школе называли...

Так он пересёк свой первый Рубикон и уже через двадцать шагов окончательно смирился с мыслью, что война уже начала входить в его жизнь неспешно, но уверенно, всерьёз и, кажется, надолго. Всё равно дома его без рук и ног никто не ждал... «Вот ведь въелось в голову!» – сплюнул он и двинулся дальше.

Тогда он ещё не мог представить себе, в какой многосложный и долгий лабиринт он сделал этот первый шаг...

* * *

Ночной Донецк был, на удивление, для фронтового города чист, но без излишней новогодней празднично-нарядной мишуры и гирлянд. Скромно освещались только широкие главные магистрали города. Ощущения прошедшего накануне праздника не было.

Машин в округе особо не наблюдалось; стало несколько грустно, и тут в одно чудесное мгновение, как из рукава циркового факира, нарисовалась чёрная «шестёрка» с кубиками такси.

– Сто гривен за проезд и номер в частном отеле за пятьсот рублей в сутки прямо через десять минут, – быстро выложил водитель у бордюра, не оставив и капли сомнений в том, что выбор не так велик: комендантский час близок, а ночевать на нарах в военной комендатуре – вариант так себе.

Двухэтажная аккуратная гостиница на улице Пятидесятилетия СССР имела маленький дворик за высоченными воротами, освещённый уличной люстрой прямо под входным козырьком. С названием хозяева не слишком мудрствовали, присвоив источнику своего семейного обогащения наименование самой улицы.

Встретили хозяева приветливо, не взяв денег наперёд, не поинтересовавшись паспортом, лишь представившись Игорьком и Натальей, где муж являлся администратором, а супруга одновременно поваром, уборщицей в номерах и прачкой. Однако рассмотрев различные официальные сертификаты и схему эвакуации на стене, гости с удивлением узнавали, что жена администратора – ещё и директор отеля, а также ответственная за пожарную безопасность.

В номере приятно удивила горячая вода, порадовала широкоэкранная панель с парой сотен каналов, и восхитила объёмная двуспальная кровать, недвусмысленно намекавшая на возможное разделение уютного ложа с кем-нибудь из представительниц местного дамского общества.

У стойки администратора к нему подошли двое молодцев в камуфляжной форме. Парни приехали на несколько часов раньше. О данной гостинице узнали на вокзале от некоего шустрого Толика на чёрных «Жигулях» шестой модели. Это общее удивительное совпадение всех изрядно повеселило и позволило высоко оценить предпринимательскую находчивость владельцев гостевого дома.

* * *

Уже через час-другой компания свежеиспечённых добровольцев дружно вела задушевную, но малоинтеллигентную беседу о событиях в Донбассе. Все трое были в Донецке впервые, и, понятное дело, хотелось больше послушать прямых очевидцев событий. Пригласили к столу Игоря и Наталью.

Разговор запивали хозяйской горилкой, и каждый тост был посвящён скорой гибели всех врагов и славной победе России и Донбасса. Не забывали под каждый стакан произносить традиционный словесный узел славянского пожелания благополучия, достатка, лада, гармонии в семье и здоровья рода: «Быть добру!»

Администрация отеля гостеприимно накрыла стол соленьями и копчёностями совершенно бесплатно, что несколько смутило гостей, весь вечер пытавшихся сунуть в карманы Игорька мятые купюры разного уважительного достоинства.

– У вас сейчас трудности, и ты не стесняйся. Мы же от чистого сердца, – сказал толстячок из Красноярска, назвавшийся Егором.

– Вроде всё у нас хорошо. Не бедствуем. Мы без клиентов не сидим. Гостиница наша, как видите, в частном секторе затерялась. Стрелять по этому району и снаряды тратить впустую противнику резона нет. Вот и приезжают пацаны с передовой отмыться, отоспаться, девчонок помять. У нас и свет, и вода всегда есть. Много и таких, как вы. Вокзал-то рядом, автобусы поздно прибывают. Это сегодня вас только трое. То, что у нас постоянно ваш брат останавливается, нам очень подходит. Сейчас вроде тише стало в ночное время, коменданчи ходят, жёстко взялись. А ведь ещё полгода назад и даже раньше, когда областную администрацию брали толпой, по городу ходить и ездить было небезопасно. Сначала все банки опустошили, потом дорогие магазины поразбивали: бутики там, антикварные лавки.

Квартир вскрытых – вообще не сосчитать. Машин сколько «отжали», выбрасывая пассажиров с водителями прямо на обочине... Власти-то не было, пока Захар круто не взялся за них со своим «Оплотом», а там и полицию создали, и госбезопасность.

– Про изнасилования и нераскрытые убийства лучше и не вспоминать. До сих пор жуть в глазах от этих кадров по телевизору, – дополнила рассказ мужа Наталья.

– Всё равно чудно, – продолжил Игорь. – Везде праздники – а вы на войну. Чего не сиделось-то дома, Новый год же.

Парень из Якутска, представившийся Эдуардом, приняв слова Игоря за вопрос, ответил:

– У меня отпускных набралось за три года, а тут такое... Чего, думаю, время в Тайланде убивать? Вот приехал. Уволился и приехал. Насколько меня тут хватит? Не знаю, а там как карта ляжет. Думаю, что в «Спарте» не откажут.

– А у меня больше нет ни дома, ни жены. Никто меня в Ебурге больше не ждет. Я ещё осенью списался с батальоном «Новороссия». Так что даже адресок с телефоном уже есть.

– Есть такое подразделение. У них «КамАЗ» очень приметный. На нём название батальона прямо на тенте написано. Там Губарева Катя командиром числится, – поддержала уральского гостя Наталья.

– Меня тоже уже звали в «Сомали» к Гиви, – вставил тут же красноярский Егор. – Есть сомнения, но поеду и поговорю завтра.

– А ты чего туда спешишь, Егор, – спросил вдруг Игорь. – Ты хоть знаешь, почему они такое название дали своему батальону?

– Наверное, в честь дворовой банды с детства? У нас так районы называли, чтобы проще отличать своих от чужих.

– Ну, тогда послушай... «Сомали» пошло с Иловайска. Тогда у Гиви в подразделении было меньше ста человек. Вот к ним на помощь пришёл Моторола под сильным обстрелом по единственной дороге, которую «укропы» взять не смогли. Когда добрался и сам убедился, по какой дороге ехал он к Мише Толстых, то сказал: «Да у тебя тут Сомали целое!» Тогда жаркий август был, и пули с минами со всех сторон летали, да и люди были обряжены, как африканские пираты: кто – в обгорелой тельняшке, кто – в рваной и растянутой майке, кто – в прожжённых шортах или в бриджах; на головах у кого – кепка, у кого – бандана, кто – в фуражке советского образца. Вот Павлов и произнёс тогда историческое изречение: «Ну, натурально пираты у тебя тут бегают! Точно Сомали».

– Это ты где такое слышал? – поинтересовался Эдуард.

– Так про это по телику фильм показывали. По российскому, кстати. А вы чего же? Ехали сюда и не поинтересовались?

– А про «Спарту» что знаешь? – не унимался Эдик.

– Это название позже появилось. Где-то осенью, когда уже за аэропорт бои начались. А название? Надо полагать, из-за жёсткости дисциплины и беспощадности в боях. Тут в народе всякое рассказывают про их подвиги. Безбашенный там народец, героический. Ну, ты же туда собрался? Вот там завтра всё и узнаешь. – Игорек хитро прищурил правый глаз и с каким-то еле заметным ехидством улыбнулся, глядя почему-то на Егора.

Внезапно возникшую паузу перебила Наталья, предложив разлить по стаканам. Сошлись наполненной посудой, выпили.

– Лихие вы парни, скажу я вам, – воскликнул хозяин гостиницы. – Зря вы сразу в огонь лезете. Осмотрелись бы. С людьми пообщались. Кто знает, может, и передумаете?

Трое гостей переглянулись между собой, и тут снова начал Эдуард:

– Ну, так мы чего ехали-то сюда за тысячи километров? Решения ещё дома надо было принимать. Чего-то не пойму я тебя, Игорёк. Ты против, что ли, ополченцев?

– Упаси тебя так подумать, – тут же парировал Игорь. – Просто мы уже тут насмотрелись, как приезжают и в грудь себя бьют, а потом, глянь, уже стучатся в дверь на ночлег, а утром – обратно в Россию. Тут такая текучка летом и осенью была, что не успевали постельное белье менять.

– Дезертиры? – спросил Егор, запивая стаканом сока только что проглоченный кусок сала.

– Что значит «дезертиры»? Это раньше в городе батальонов из десятка алкоголиков и разных бригад полубандитских много было. Вот народ и шастал туда-сюда. Разброд и шатание. Никакого порядка. А вот когда в октябре корпус организовали, то многие и потекли по домам. Одно дело – романтика, другое – армия и устав. Сейчас уже нельзя просто сдать ору-

жие и пойти домой. Сейчас всё через военкомат, военный билет, присягу и контракт на год как минимум. Просто уже не уйдёшь. Вот тогда и дезертиры появляются или, как они говорят, «СОЧ». То есть самовольное оставление части. Хотя в России тебя никто искать не станет. Мы же непризнанные, и вся наша армия как бы считается армией только внутри этой махонькой территории. В России мы как бы фейк.

Тут Эдик чуть заёрзал на стуле и почему-то обратился к уралыцу:

– Как думаешь, может, действительно сходим к твоей гуманитарщице Губаревой, а потом решим? Осмотримся, обдумаем? Я и не думал, что здесь так строго стало...

– Ребята, я не знаю, за каким хреном вы сюда притащились, но у меня есть договорённость, и мне было сказано, что это подразделение войдет в состав корпуса. Ещё прошлым летом Стрелков подписал приказ. Так что я знаю, куда приехал. Чего теперь-то гадать? Меня дома никто не ждёт. Одни дети уже взрослые, а маленькие – при мамках. Баба последняя калеккой ждать не захотела. Поэтому некуда мне возвращаться, а потому всё у меня только впереди. – Он выбил из красной твёрдой пачки «Хортицы» сигарету и, прежде чем закурить, задал вопрос Игорю и Наталье: – Вы лучше нам расскажите, как настроение в народе? Чего от России ждут люди? Когда и как, по-вашему, это всё может закончиться?

Хозяин разлил по стопкам горилку. Мужчины подняли стаканчики, выдохнули, чокнулись, выпили, поморщились, закусили. Всё это было проделано почти синхронно и без единого слова. Даже никто не сказал «быть добру». Игорь не стал тянуть с ответом и, поставив свой стакан на стол, ответил:

– Боюсь, пацаны, это очень надолго, и без России тут никак не обойтись. Про народ спрашиваешь? Да он здесь разный. В основном, конечно, к хохлам отношение хреновое. Мы ещё при Союзе с «западниками» не очень дружили. Они нас «кацапами» называли, а мы их – «бандеровцами». А теперь как к ним относиться, коли они нас тут после референдума с самолётов утюжили? Детишек столько поубивали, невинных горожан без жилья оставили – не сосчитать. А главное – за что? За то, что люди не захотели под хунтой сидеть и «Слава Украине» кричать? Я вам так скажу: те, кто даже сомневался, теперь точно их ненавидит. Нам с нацистами не по пути. – Игорь потянулся за пачкой «Хортицы», вынул себе сигарету, прикурил и продолжил: – Хотя есть, конечно, и ожидающие победы Киева. Эти просто не выступают открыто. Сидят тихо и, полагая, записывают себе в блокнотиках имена особенно рьяных, как они говорят, «сепаратистов». В принципе, надежда у них не без основания. У нас тут армия, по сравнению с ними, маловатая. Но ведь мала блоха, да кусаться лиха! Так, что ли, в старину говорили? Это им и в аэропорту показали, и под Иловайском, и на Саур-Могиле. Теперь «укры» уже реально понимают, что тут их ждут не просто шахтёры и маргиналы. Их теперь здесь ждут люди, научившиеся очень здорово воевать.

– Ну, а из России есть подразделения? – спросил Эдуард, уже засомневавшийся наутро ехать в «Спарту».

– Да кто же его знает-то? Если бы и были, то об этом никто тебе не скажет, – вдруг встала Наталья. – Если только поговору можно отличить. А кто из вас в отпуск приехал развеяться да на блокпосте постоять или кадровый военный – иди и разбери...

– Да-а-а, – задумчиво протянул Игорь, – ждали мы, что Путин, как в Крым войска заведёт, так всё на этом закончит. Очень ждали. Зря он не сделал этого. Рано или поздно придётся. Только вот до той поры народу поубивают многовато. И чего он себе думает? На что надеется?

– Да ведь танки-то с пушками откуда? – не унимался Егор. – Автоматы, опять же, патроны и снаряды...

За Наталью ответил муж:

– Слышал я тут одну поговорку: кто решил защищаться – тот и способ найдёт. Как хочешь, так и думай...

Решили выйти во двор и глотнуть свежего холодного воздуха. С затянутого тучами неба изредка пытался пробиться лунный свет. Снега почти не было, к чему приезжие гости привыкли и чему не удивлялись. Аналогичная картина была уже на подъездах к Ростову. Всё же юг, и где-то недалеко – Азовское море.

– Раньше, в детстве, помню, сугробы до подоконников доходили, – видимо, угадав мысли гостей, произнёс Игорь. – Климат стал совсем другой. Завтра с утра увидите наш смог, который лондонскому туману не уступает. Такая серость, что хоть вой. У меня каждую зиму депрессия от этого. Поэтому мы с Наташкой в южные страны всегда зимой уезжали.

– Сейчас и не знаю, когда поедem, – грустно добавила Наталья и прижалась к мужу. – Ребята, холодно, давайте зайдём.

Где-то вдалеке послышалось грохотание артиллерии.

– Это наши, – пояснила Наталья. – Мы давно уже отличаем прилёты от вылетов. Дети даже калибр снаряда по звуку распознают. У мин – резкий треск, у фугасного снаряда – гулкий такой удар. И волны у них ударные разные. От мины меньше, но осколков тьма. А вот «градины» иногда даже не взрываются. Отсырели, что ли?

Игорь засмеялся, крепко обнял правой рукой супругу и, улыбаясь, ответил:

– Не отсырели, а взрыватели у них давно спёрли. Это же хохлы! Всё разворовали после развала СССР. Если бы не эта заваруха, они бы и не знали, что у них в автоматах мокрицы плодятся, а в танках куры несутся. Мне тут наши артиллеристы рассказывали, как гаубицы из Крыма перевозили, которые от ВСУ остались.

– В смысле? – переспросили хором Эдик с Егором.

– Ну, это вам ответ на вопрос о том, откуда оружие. Так вот, там пришлось одну пушку из трёх собирать: где казённого нет, где ствол на металлолом срезали, где колёса отсутствуют. Вот такие пироги, братва. Давайте в дом. Допьём – и будем закружаться. Завтра у вас день важный... Вам завтра историю творить. Вы хотя бы это-то понимаете?

В историю можно попасть,
В историю можно влипнуть,
А можно историей стать
Или же в ней и погибнуть, —

прочитал вслух уральский гость.

– Твои стихи? – спросили почти хором сибиряки.

– Нет. Некий Юрий Кожанов, – ответил он.

– Какая разница, кто написал? Главное, в точку, – подвёл итог застолья Игорь. – Вы только сами заранее определитесь с вашей личной строкой в этом стихе. Потом времени на раздумья и поворотов назад без позора не будет. Спокойной ночи, парни...

Ночью новоиспечённые добровольцы снова слышали артиллерийскую канонаду, а заметное сотрясение стен и окон после серии взрывов где-то в северной части города заставило поволноваться. Это, как все позже узнали, был артобстрел того самого, известного на всю Россию аэропорта имени Сергея Прокофьева...

Глава IV

Гуманитарный батальон

Голова поутру раскалывалась изрядно, но намеченные дела не оставляли выбора, и пришлось вставать. Контрастный душ освежил, глоток зелёного сладкого чая запустил тонизирующий импульс, вдох холодного воздуха окончательно отрезвил и привёл в порядок сумбурную энтропию обеих полушарий мозга.

Как и можно было догадаться ещё с вечера, Эдуард и Егор решили повременить с походом в «Сомали» и в «Спарту». Они просто никуда не поехали, сославшись на трясучий перехмур после вчерашнего пережора.

Он же выдвинулся по адресу добровольческого батальона «Новороссия», как и обещал своему руководству в письмах из Екатеринбурга. По дороге до нужного адреса несколько раз встретились ополченцы. Кто группой, кто по одному, но каждый раз они останавливались перед человеком в «горке», протягивали раскрытую ладонь пальцами вверх, крепко пожимали вскинутую навстречу руку, чуть подаваясь правым плечом вперёд и чуть хлопнув вежливо по спине левой рукой. Так приветствуют только братьев, и весь этот ритуал проделывался с ним по пути раза три или четыре. Позже принятое на Донбассе приветствие через братание для него станет таким же привычным церемониалом, как отдать воинское приветствие под козырек вне строя своему побратиму-ополченцу. Пока дошёл до нужного места, уже полностью ощущал себя своим среди своих в этом огромном городе с широкими пустынными проспектами и улицами. Ему даже показалось, что сквозь плотные, низкие серые тучи пробилось несколько редких солнечных лучей. Это подняло настроение и укрепило дух.

Высотное здание бизнес-центра Sky City в прифронтовом городе выглядело жизнеутверждающе. Всё в стекле и ни единого осколочного попадания. Почти все этажи здания пустовали. Лишь на самом верхнем кипела бурная жизнь, напоминавшая кадры из фильмов про революционный Смольный в Петрограде 1917 года. Среди аккуратно сложенных коробок и груды мешков с гуманитарной помощью сновало много разного народа в полувоенном походном одеянии. Кто-то выдавал указания и команды, кто-то быстро бежал выполнять поставленную задачу.

Коробки и мешки разными партиями подносились к огромному лифту и отправлялись вниз для дальнейшей погрузки в машины. Вдоль стен и по углам бесконечно длинного и широкого коридора можно было наблюдать аккуратно расставленные зелёные ящики для стрелкового оружия и цинковые коробки из-под патронов. Тут же ходили взад-вперед бойцы с автоматами.

Вся эта движуха представлялась настоящим формикарием, где вместо муравьёв суетились люди. Полевая кухня, занесённая на двадцатый этаж посредством грузового лифта, реально работала и кормила народ, выпуская в несколько колен дым из трубы, выставленной прямо в окно. На самой же крыше высотки буквально с первых дней войны была развёрнута зенитная установка с боевым расчётом. Как она туда умудрилась попасть? На этот вопрос могли ответить бойцы батальона «Спарта», взявшие под свою опеку и охрану здания, и команду Кати Губаревой.

Гуманитарный батальон «Новороссия» не имел выходных и обеденных перерывов, работая с семи утра до самого крайнего грузовика, вернувшегося с передовой после доставки продуктов питания бойцам и из населённых пунктов, подвергшихся обстрелу со стороны украинской артиллерии. Людям нужны вода и еда всегда, как и прочие вещи, жизненно важные в уничтоженных и сожжённых дотла поселках и пригородах Донецка. Доставлять обязательно нужно, несмотря на смертельную опасность. Да и кому этим ещё заниматься, кроме доброволь-

цев-бессребреников? У молодого народного государства денег хватает далеко не на всё. А уж, если честно, то их зачастую не бывает ни в казне, ни в кармане.

Сопровождать грузы приходится обязательно с оружием для защиты не только от всяких там диверсантов, но, в первую очередь, от прочих грязных элементов из разряда мародёров, бандитов и рецидивистов разных мастей, которых в лихие времена всегда более чем достаточно.

– Так вы с Урала? – поинтересовалась Екатерина, являвшаяся одновременно и командиром батальона, и депутатом Народного Совета, и по совместительству супругой первого народного губернатора Павла Губарева.

Имена и люди известные, не раз светившиеся на главных каналах российского телевидения. Значит, можно верить, что не какая-то шарашкина контора, а уважаемая организация, несущая людям добро с настоящим риском для жизни.

– Да. Я с Урала. Это имеет какое-то значение?

– Теперь всё имеет значение, а регион с потенциальным строительным материалом вообще вызывает особый интерес. Вы готовы поехать за деловым лесом для нужд Донбасса? Мы вас уполномоченным офицером назначим и мандат выдадим соответствующий.

– Я сюда вообще-то воевать приехал, а вы меня сразу в тыловые крысы зачислить хотите? – обиделся он.

– Успеете вы повоевать ещё много раз, и героически погибнуть вам представится возможность. Но вот в Горловке перинатальный центр разбомбили месяц назад. Там роды до сих пор принимают без крыши над головой. Есть много других важных объектов, включая детские сады и школы. Подумайте. Нам это очень важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.